

Гумилев Николай Степанович

**ЗАПИСКИ
КАВАЛЕРИСТА
БОЕВОЙ ПУТЬ ПОЭТА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44
3-32

Художественное оформление *Александра Воробьева*

Предисловие, статьи и примечания к текстам *Татьяны Альбрехт*

Гумилев, Николай Степанович

3-32 Записки кавалериста: Боевой путь поэта / Николай Гумилев; предисл., статьи и примеч. Т.Б. Альбрехт. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 320 с.; илл. (Фронтовой дневник)

ISBN 978-5-17-168111-1

Николай Гумилев — один из ярчайших поэтов Серебряного века, утонченный денди, донжуан, эстет, знаковая фигура богемного Петербурга. И в то же время бесстрашный путешественник, исследователь, успешный издатель, замечательный литературный критик. Когда Россия вступила в Первую мировую войну, он не мог остаться в стороне и пошел на фронты добровольцем. В самом этом факте нет ничего необычного. Однако Гумилев был одним из немногих, кто умел войну поэтизировать, и едва ли не единственным литератором, оставившим столь подробный и честный рассказ о службе на передовой.

Его «Записки кавалериста», созданные в форме военного дневника, печатались в газетах и вызывали большой интерес. Но никому в голову не пришло издать их отдельной книгой. А потом и само имя Гумилева попало под запрет, и все, что относилось к «империалистической войне», но не ругало ее и «старорежимную армию» не приветствовалось. Таким образом, в России первое издание «Записок» появилось лишь в начале 90-х годов. Они представляют собой не только литературное произведение, но и замечательный, в своем роде уникальный документ, беспристрастное свидетельство солдата о повседневной фронтовой жизни.

В этой книге текст «Записок» соотнесен с архивными документами. Для удобства восприятия их выдержки вкраплены непосредственно в повествование. Отличным дополнением к ним служат переписка Николая Гумилева за 1914–1917 годы, его военные стихи и немногочисленные рассказы его сослуживцев.

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-168111-1

© Н.С. Гумилев (наследники), 2025
© Т.Б. Альбрехт, предисл., примеч., статьи, 2025
© Издательство АСТ, 2025

*То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало.*

*И в реве человеческой толпы,
В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: «Буди, буди».*

*Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
«Скорей вперед! Могила так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А положом — зеленая листва,
Союзником — архангельская сила».*

*Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошел, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молнийных и рдяных тучах.*

*И счастьем душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна,
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги.*

Николай Гумилев.
«Пятистопные ямбы» (вторая редакция)

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Да, надо признать, ему не чужды были старые, смешные ныне предрассудки: любовь к родине, сознание живого долга перед ней и чувства личной чести. И еще старомоднее было то, что он по этим трем пунктам всегда готов был заплатить собственной жизнью», — так писал Куприн в посмертном очерке об одном из наиболее ярких и своеобразных поэтов Серебряного века Николае Гумилеве.

Старые предрассудки были у Николая Степановича в крови и воспитывались в нем с детства. Поэт, чей «прадед ранен под Аустерлицем», был патриотом в самом возвышенном смысле этого слова. Когда Россия вступила в Первую мировую войну, он не мог остаться в стороне и пошел на фронт добровольцем.

В самом этом факте нет ничего необычного — в войне так или иначе приняли участие многие деятели культуры, кто по призыву, кто добровольцем. Достаточно вспомнить В. Катаева, С. Есенина, А. Вертинского.

Однако Николай Гумилев был одним из немногих, кто умел войну поэтизировать, и едва ли не единственным литератором, оставившим столь подробный и честный рассказ о своей службе в воюющей армии.

Военный путь поэта был непростым — он воевал в двух кавалерийских лейб-гвардейских полках, окончил школу прапорщиков, в составе Экспедиционного корпуса русской армии во Франции и Греции оказался втянут в политическую смуту.

Свою службу он рассматривал, как необходимость, суровый долг «по ассенизации Европы», который потомок многих поколений людей, честно служивших Отечеству, не мог не отдать, хотя от него этого и не требовали.

За время службы он получил офицерские погоны, два солдатских Георгия, выпустил новый сборник стихов (пятый по счету), написал одну поэтическую драму и начал работать над второй, снова побывал во Франции, познакомился с Честертоном, принял невольное участие в подавлении солдатского мятежа и добровольно вернулся в охваченную Гражданской войной и смутой Россию, имея возможность остаться за границей. И все это время он писал — на войне, о войне, про людей войны, про то, что далеко от войны. Даже в окопах, среди неюта передовой Гумилев-творец ни разу не отступил перед Гумилевым-солдатом.

После стихотворения «Второй год», созданного в феврале 1916 года, сама военная тема в творчестве Гумилева сходит на нет и дальше будет возникать только на уровне шуток, экспромтов, рапортов, стилизаций. Да и в последующие годы она появится лишь во втором варианте «Пятистопных ямбов» и «Памяти». Не говоря уже о том, что, судя по воспоминаниям, Николай Степанович практически ничего и никому не рассказывал о своих военных буднях — настолько даже семья и близкие друзья не осведомлены о деталях его службы.

В этой книге собрано практически все, что относится к боевому пути Николая Гумилева: его «записки кавалериста», дополненные документами и архивными данными, его письма родным и друзьям с передовой, воспоминания его сослуживцев, рассказы о поэтических вечерах, в которых поэт участвовал во время службы, военные стихи, а также подробный рассказ о последнем периоде службы поэта, о котором до сих пор очень много беспочвенных домыслов и мифов.

Главная задача книги состояла в воссоздании боевого пути поэта с первых месяцев войны до Брестского мира. А ее основная ценность в том, что Гумилев сам подробно и честно рассказывает читателю свою военную эпопею, а комментарии, статьи, выдержки из документов служат только дополнением, фоном к авторскому голосу.

Тексты «Записок кавалериста» и писем и архивных документов даны в авторской редакции с сохранением орфографии и пунктуации, тексты стихов — в редакции из полного собрания сочинений Н.С. Гумилева в 10 томах (Москва: Воскресенье, 1998–2007).

ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТА

«Осенью 1914 года Гумилев неожиданно сообщил, что поступает в армию.

Все удивились, Гумилев был ратником второго разряда, которых в то время и не думали призывать.

Военным он никогда не был.

Значит, добровольцем, солдатом?

Не одному мне показалась странной идея безо всякой необходимости надевать солдатскую шинель и отправляться в окопы.

Гумилев думал иначе.

На медицинском осмотре его забраковали, ему пришлось долго хлопотать, чтобы добиться своего.

Месяца через полтора он надел форму вольноопределяющегося Л. Гв. Уланского полка и вскоре уехал на фронт».

Георгий Иванов

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Записки кавалериста», созданные Николаем Гумилевым в форме военного дневника в период службы в лейб-гвардии Уланском Ея Величества полку, печатались в газетах и вызвали большой интерес у читающей публики. Но ни самому поэту, ни советским издателям в голову не пришло издать их отдельной книгой после окончания войны — время для таких публикаций было совершенно неподходящим. А потом и само имя Гумилева попало под запрет, и все, что относилось к «империалистической войне», но не ругало ее и «старорежимную армию», не приветствовалось. Таким образом, в России первое издание «Записок кавалериста» появилось только в начале 90-х годов XX века в трехтомном издании сочинений поэта.

Зато в эмигрантских кругах «Записки» издавались достаточно часто и были популярны, как и сама фигура Гумилева. Впрочем, нельзя не заметить, что в отношении эмигрантов к поэту было слишком много идеологии и политики и слишком мало подлинного интереса к его творчеству и богатейшему культурному наследию. Об этом честно, горько и жестко еще в 20-х годах XX века высказался литератор Андрей Левинсон:

«Мечут жребий о ризах мертвых поэтов. На собраниях в их память несется со всех сторон азартный крик: «Он наш!» — И каждый из торгующихся с шумом бросает на весы свои доводы.

В Николае Гумилеве, чудо чьей жизни было в ее абсолютной растворенности, в поэтическом подвиге, любят все более монархистом; имена то и дело служат аргументом в споре, трамплином для ораторских порывов».

Так и «Записки кавалериста» очень долго не становились предметом серьезного изучения. Никому не приходило в голову взглянуть на них не только как на литературное произведение, но и как на замечательный, в своем роде уникальный документ, не только рассказывающий боевой путь поэта и полка, в котором он служил в период написания, но и позволяющий более подробно изучить историю Первой мировой войны, показанной здесь глазами добровольца, не имевшего до поступления на службу никакого отношения к армии и военному делу.

Исследователем, взявшимся восполнить этот пробел, стал Евгений Евгеньевич Степанов. Именно ему мы обязаны «открытием», что все написанное в военном дневнике Гумилева в точности соответствует документам, хранящимся в фондах Российского государственного военно-исторического архива.

Сопоставление рассказов Гумилева с журналами боевых действий, донесениями, приказами, докладами показали абсолютную объективность и точность его описаний боев, разездов, перемещений войск. Впрочем, Николай Степанович действительно отличался дотошностью и даже в лирике всегда сочетал полет фантазии со стрем-

лением к максимальной точности. Что уж говорить о военном дневнике.

Николай Степанович был определен в 1-й маршевый эскадрон лейб-гвардии Уланского Ея Величества полка и в конце сентября прибыл на передовую. Служба в этом полку великолепно отражена в «Записках кавалериста». Они публиковались в газете «Биржевые ведомости» с 3 февраля 1915 по 11 января 1916 года. Надо отметить удивительную точность и непредвзятость Гумилева. Ни в одном слове он не пытается приукрашивать события или свою роль в них, честно пишет о преодолении страха, сомнениях, неопытности в военном деле, о происшествиях, в которых совсем не выглядит героически. Впрочем, неопытность не помешала Гумилеву в течение года заслужить два солдатских Георгия «за отличия в делах против германцев». В конце 1915 — начале 1916 года поэт учился в школе прапорщиков, в марте был произведен в низший офицерский чин и переведен в лейб-гвардии 5-й Гусарский Александрийский Ея Величества полк, где и продолжал службу до февральской революции.

С переходом в другой полк Гумилев прекратил ведение дневника и больше к нему не возвращался, вообще его интерес к военной теме постепенно ослабевал.

В этой книге представлены «Записки кавалериста», текст которых соотнесен с архивными документами. Для удобства восприятия их выдержки вкраплены непосредственно в повествование.

ВСТУПЛЕНИЕ

18 июля 1914 года в 10 часов вечера Германия объявила войну России. 20 числа был объявлен «Высочайший указ о мобилизации».

В это время Николай Гумилев жил в Петербурге, на Васильевском острове он остановился у своего друга Владимира Шилейко (5-я линия, 10). Вместе с В. Шилейко и С. Городецким он присутствовал при разгроме германского посольства, участвовал в манифестациях, приветствовавших сербов. Решение идти на фронт пришло сразу...

24 июля в петербургских газетах были опубликованы «Правила о приеме в военное время охотников на службу в сухопутные войска, Высочайше утвержденные 23 июля».

Собрать все перечисленные в «Правилах» документы было непросто. Кроме того, для Гумилева существовало еще одно препятствие к осуществлению задуманного, весьма серьезное.

Дело в том, что еще 30 октября 1907 года Николай Степанович был освидетельствован военной медицинской комиссией, признан не способным к военной службе и освобожден от воинской повинности по причине астигматизма глаз. Однако уже 30 июля 1914 года им было получено медицинское свидетельство, подписанное действительным статским советником доктором медицины Воскресенским:

«Сим удостоверяю, что сын Статского Советника Николай Степанович Гумилев, 28 л. от роду, по исследовании его здоровья оказался не имеющим физических недостатков, препятствующих ему поступить на действительную военную службу, за исключением близорукости правого глаза и некоторого косоглазия, причем, по словам г. Гумилева, он прекрасный стрелок».

31 июля 1914 года полицией Царского Села в лице полицеймейстера полковника Новикова Гумилеву было выдано свидетельство, удостоверяющее «об отсутствии опорачивающих обстоятельств, указанных в статье 4 сих правил»:

«Дано сие сыну Статского Советника Николаю Степановичу Гумилеву, согласно его прошению, для представления в Управление Царкосельского Уездного Военного Начальника, при поступлении в войска, в том, что он за время проживания в гор. Царском Селе поведения, образа жизни и нравственных качеств был хороших, под судом и следствием не состоял и ныне не состоит и ни в чем предосудительном замечен не был. Что полиция и свидетельствует».

Анна Ахматова вспоминала о хлопотах Николая Степановича при поступлении на военную службу: «Это было очень длительно и утомительно».

Тем не менее уже 5 августа 1914 года Гумилев был в военной форме, в этот день его с Ахматовой на Царкосельском вокзале встретил А. Блок (об этом имеется запись в его записной книжке).

«...А вот мы втроем (Блок, Гум<и-лев> и я) обедаем на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гум<и-лев> уже в форме), Блок в это время ходит по женам мобилизованных для оказания помощи. Когда мы остались вдвоем, Коля сказал: "Неужели и его пошлют на фронт. Ведь это то же самое, что жарить соловьев"» (Записные книжки Ахматовой, с. 672).

«Записные книжки» Блока; запись от 5 августа 1914 г.:

«Встреча на Царскосельском вокзале с Женей, Гумилевым и Ахматовой...»

Как вольноопределяющийся Гумилев мог выбирать род войск. Его влекла кавалерия. Верхом он ездил прекрасно, всерьез тренировался еще до войны.

Что же до стрельбы, здесь очень помог опыт, приобретенный в африканских путешествиях. Когда по окончании обучения охотники сдавали экзамены, Гумилев показал один из лучших результатов по верховой езде и стрельбе, несмотря на то, что стрелял с левого плеча.

13 августа 1914 года Гумилев был в Кречевицких Казармах, поселке под Новгородом. Приказом по Гвардейскому запасному кавалерийскому полку № 227 от 14 августа 1914 года Николай Гумилев зачислен охотником в 6-й запасной эскадрон. Более месяца шло обучение.

В сентябре к нему приезжала Ахматова¹.

¹ Об этой встрече Анна Андреевна позже написала стихотворение «Пустых небес прозрачное стекло...»